

Не надеющаяся

Анна Ланс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Ланс

Не надеющаяся

<https://litres.ru/74595483>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для Оливии боль давно стала привычной спутницей: она живёт в ней, дышит ею, учится с ней договариваться. Ночи — это страх. Дни — это попытка спрятаться от мира в рутине. А между ними — тишина, в которой слишком громко слышно, как рушится её надежда.

Но даже в самом тёмном аду иногда появляется свет — или то, что кажется светом. На пороге её отчаяния возникает парень, и тьма впервые начинает рассеиваться. Только Оливия не знает, надолго ли это. А вдруг он — не спасение, а новый источник тьмы?

Иногда, чтобы выбраться из ада, нужно позволить кому-то взять тебя за руку. Даже если за эту руку потом придётся платить. И Оливии предстоит узнать, какую именно цену попросят взамен.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	53
Глава 8	65

Анна Ланс

Не надеющаяся

Глава 1

Боль...

Это первое чувство, с которым я просыпаюсь каждый день. У боли нет видов, но всё же её делят на три основных вида: ноцицептивная, нейропатическая и психогенная. Мне как главному счастливчику достались все.

Ноцицептивная, или проще говоря, физическая, досталась мне от моего папаши-наркомана, который пытался стащить мои сбережения. Физической силы мне не досталось, поэтому этот раунд я проиграла. Трудно сопротивляться человеку ростом сто семьдесят три сантиметра и весом сто пятьдесят килограммов, но я пыталась: со стороны это выглядело так, будто великан сражается с гномом. Можно было просто сдаться и не сопротивляться, но это была бы не я. Всеми своими сорока семью килограммами я пыталась защитить свои деньги, чтобы просто свалить из этого ада, но, как я уже сказала, я проиграла. Проиграла так, что две недели была в коме, а после восстанавливалась четыре недели. Но это было прекрасное время, несмотря на боль. Я спокойно засыпала и просыпалась, зная, что меня никто тут не тро-

нет и никто из папашиных друзей не попытается вломиться ко мне в комнату. Я кушала каждый день и знала, что здесь у меня будет еда завтра, и через день, и через два. Здесь была стабильность, в отличие от дома. Хотя сложно назвать домом то место, где я живу. Но так было не всегда.

Когда-то дом был домом с любящими родителями, двумя детьми и собакой. Раньше мы жили во Флориде: у нас был шикарный дом у океана, шикарная машина, мы ни в чём себе не отказывали. Но всё когда-то заканчивается. После смерти моей старшей сестры Эммы три года назад всё поменялось. Родители пытались оставаться сильными, но из этого мало что вышло. Отец погрузился в работу с головой, там же при-страстился воровать лекарства и ушёл в зависимость. Ну а мама... Она просто этого не выдержала, подала документы на развод и уехала в неизвестном направлении, ничего не оставив. Отец, лишившись работы, стал продавать вещи из дома, а когда всё ценное закончилось, начал занимать — и так мы лишились дома и прежней жизни. После Флориды мы с отцом переехали в небольшой округ Напа, в крошечный прибрежный посёлок, название которого — Маунт-Вью-Бей — осталось только на старых картах. Здесь у воды пахло солью и рыбьей требухой, а не лавандой и дорогим парфюмом. Сюда ссылали тех, кому не хватило денег на жизнь среди вечных виноградных лоз.

Здесь у отца остались родственники, они нам и предложили дом, в котором мы сейчас и живём. Дом покрашен в

светло-зелёный и серый цвет, по всему периметру расположен небольшой белый забор. Тут же есть небольшие кусты с белыми розами и гортензиями. Если снаружи кажется, что в доме царит любовь и порядок, то внутри всё не так. Со входа ты попадаешь в сквозную прихожую с выходом на небольшой задний двор. Справа от входа расположена лестница на второй этаж: там спальня отца и моя, ванная и туалет. Слева от входа — гостиная, объединённая с кухней. В гостиной стоит истёртый диван и письменный стол, напротив дивана — телевизор, наверное, единственное, что отец ещё не продал и что осталось от прежней жизни. Все стены испачканы разводами крови и чем-то ещё, чего я не хочу знать, а если обои и есть, то они остались с времён прошлого века.

Но, как я уже сказала, я счастливчик. После физической боли наступает нейропатическая — это боль из-за сбоя в нервной системе, проще говоря, периодически в рубец на моём бедре простреливает боль, как будто в кость загнали раскалённую иглу. Врачи говорят, что она временная, но, зная себя и как мне везёт, я думаю, эта боль со мной надолго, очень надолго. Чтобы эта боль мне не мешала, приходится пить антидепрессанты, а чтобы купить антидепрессанты, мне приходится зарабатывать деньги. Поэтому после школы и по выходным я работаю у мистера Брауна — в небольшом ресторанчике итальянской кухни «Территория 1986».

Но вернёмся к моей последней боли — психогенной. Она выражается постоянной болью в голове, с которой я живу

уже три года. Она возникла из-за смерти сестры и усилилась, когда мир окончательно рухнул. Эта боль всегда со мной, днём и ночью, ежедневно и ежечасно; боль никогда не уходит, даже после сессии с психиатром, где я притворяюсь, будто всё прошло и я смирилась с её смертью и со всем, что происходит в моей жизни. Но это всё маска, маска «я прекрасно справляюсь», которую носит Оливия, которая надеется на лучшее и живёт. Но под маской суровая реальность: там Оливия вся в шрамах и больше не надеющаяся на счастливое будущее.

Глава 2

Открыв глаза, смотрю на часы. Они показывают семь утра. Аккуратно, чтобы не причинить себе боль, спускаю свои ноги с кровати и осматриваю свою комнату. По сравнению со стандартными комнатами моя кажется совсем крошечной, будто я и правда живу в чулане. Здесь нет ничего лишнего, в самой комнате поклеены обои бирюзового цвета — это была моя покупка с первой зарплаты в ресторане. Около окна, которое выходит на задний двор, стоит односпальная кровать, застеленная кремовым старым пледом. Рядом с кроватью стоит письменный стол со стареньким ноутбуком. Это единственная роскошь, которая осталась лично у меня от прошлой жизни. В ногах кровати стоит небольшой комод для вещей, который по чистому везению кто-то выкинул на помойку. Оглядываю дверь и вижу, что замок не закрыт, и по какому-то чуду ко мне никто не заглянул этой ночью. Видимо, вчера после смены в «Территории» и часовой пробежки до дома я настолько выбилась из сил, что рухнула на кровать и отключилась.

— Твою мать, — прошептала я.

Пульс повышается, в глазах темнеет, и я на ватных ногах потихоньку иду к двери, чтобы задвинуть щеколду и закрыть замок на ручке. Прислонившись лбом к двери, начинаю потихоньку сползать на пол, стараюсь не шуметь, ведь

каждый шум может привести к неизбежному. Сев на пол, уже не сдерживаю слёз. Я плачу, плачу по себе, плачу по той жизни, которой больше нет, плачу от боли, которая стала моей кожей за эти три года, и незаметно для себя проваливаюсь в темноту.

Такую прекрасную и понимающую меня, в ней нет боли, нет страданий, в ней я всё ещё жива, в ней вся наша семья.

Просыпаюсь из-за шума за дверью и задерживаю дыхание.

— Ээээй, — сказал незнакомый мне голос. — Держи внутри себя всю свою дурь и не смей на меня блевать.

— Джеймс, посмотри на себя, в кого ты превратился. — До боли знакомый женский голос говорит моему отцу.

Отец что-то невнятно пробубнил и рухнул, видимо, на кровать.

— Вот чёрт, надо его, наверное, перевернуть, чтобы он не сдох.

— Не сдохнет. Посмотри, где он живёт и в кого он превратился: такие, как он, уж больно живучие. Такое дерьмо, как он, живёт долго.

Дальше я слышу тихие шаги, которые идут от отцовской спальни к моей комнате.

— Лив, детка, выходи, я знаю, что ты там. У тебя сегодня выходной, и я видела твою куртку на вешалке.

Выпрямившись, я открываю дверь и бросаюсь в объятия. Зои стоит около моей комнаты и ждёт меня.

— Тихо. Тихо, девочка, я рядом. — Шепчет мне Зои в

волосы.

Зои — младшая сестра моей матери, она единственная, кто заботится обо мне, и единственная, кто остался из родственников матери. Она работает пресс-секретарём знаменитой женской группы и постоянно в разъездах. Именно поэтому она не взяла меня с собой: несмотря на то что ей тридцать один, у неё нет постоянного жилья. Зои выглядит как модель, сошедшая с обложки журнала. У неё длинные светлые волосы до талии, которые ей и моей матери достались от их отца, огромные глаза цвета свежей зелени, обрамлённые чёрными длинными ресницами, чуть вздёрнутый нос и губы, пухлые и ярко-красные. Она одета в джинсовые шорты с кедами и белый топ с кружевами на лямках. По сравнению с ней я выгляжу как нищенка, хотя я ею и являюсь. Мои волосы пепельного цвета, доходят до подбородка, ведь иметь длинные волосы — это непозволительная для меня роскошь, да и за короткую стрижку менее удобно ухватиться, чем за длинные волосы. Глаза цвета грязи, обрамлённые густыми ресницами, прямой нос, незаметный по сравнению с моими пухлыми губами. Ноги у меня короткие, да и ростом я средненькая сто шестьдесят один сантиметр, хотя бы но попа и грудь уж сильно акцентируют внимание на моей персоне. Спасибо генетической лотерее хотя бы за мою внешность.

— Лив, почему ты мне не написала или не позвонила? Я думала, ситуация стала чуть менее острой, когда мы с тобой разговаривали. — Сказала Зои чуть слышно.

— Он забрал мой телефон и продал, сказал: «Такое дерьмо, как ты, не достойно телефона». — Сказала я и вздрогнула, когда из спальни отца вышел мужчина.

На вид ему было около тридцати лет. Кожа его была цвета молочного шоколада, глаза большие и тёмные, такие же, как и брови. Нос прямой и квадратная челюсть. Он был одет в простые тёмно-синие джинсы и простую чёрную футболку, на ногах были простые найки.

— Эй, Лив, познакомься, это мой друг, Мейсон! — Сказала Зои, и её щёки вдруг порозовели.

— Привет! — Сказал Мейсон и протянул мне свою руку. — Зои много рассказывала о тебе, Оливия. — Голос у Мейсона был приятный, чуть ниже и с приятной хрипотцой.

Чем ближе Мейсон подходил к нам, тем сильнее чувствовался его одеколон. Он пах свежестью и морским бризом, который я помню с детства.

— Лив, меня зовут Лив. — Сказала я и улыбнулась уголком губ.

— Хорошо, Лив. — Сказал Мейсон и улыбнулся в ответ. Их появление для меня стало лучиком солнца в этой яме с дерьмом, в которой я почти утонула. Их чистота, настроение и внешность резко контрастировали с этим местом. Их аромат не вписывался в атмосферу этого места, даже язык не поворачивается назвать это место домом.

— Что вы тут забыли? — Спросила я их, закрывая свою дверь на новый амбарный замок и положив ключ в свои шта-

ны.

— Я пыталась тебе дозвониться, но мне ответил какой-то баран и сказал, что Лив здесь никаких нет, а если бы и была, то сидела бы уже на его члене. — Сказала Зои и поморщилась. — Поэтому я приняла решение приехать к тебе и узнать, как ты. — Сказав это, Зои потянулась ко мне и укутала в своих объятиях. От неё вкусно пахло вишней с нотками миндаля. Её запах отличался от запаха, царившего здесь. Нынешний аромат, если его можно так назвать, благоухал кислым молоком и лекарствами с нотами хлорки, которой я пытаюсь хоть как-то отмыть всё это дерьмо.

Выскользнув из объятий Зои, я забегаю в ванную к своему тайнику с лекарствами. Знаю, было бы безопасней хоронить таблетки у себя, но кто знает, чем может обернуться, если их найдёт мой отец; а так есть вероятность, что он их возьмёт, то я хотя бы останусь жива. Таблетки я спрятала в корзине с грязным бельём. Навряд ли кому-нибудь из друзей отца или ему самому захочется рыться в его грязном белье. Спрятать у отца было безопаснее. Если эти идиоты и решат обшарить дом, то они не готовы рыться в белье своего друга, но в вещах его дочери — пожалуйста. От одной только этой мысли хочется плевать, что я благополучно и делаю в унитаз. Запив свои таблетки водой из-под крана в ванной, я привожу себя в порядок, расчёсываю волосы, умываю лицо и чищу зубы. В своё отражение я стараюсь не смотреть, я давно перестала себе нравиться. Когда-то лицо, полное счастья, стало вы-

глядеть измождённым, щёки впали, круги под глазами стали меньше, но всё же их заметно. Прячу таблетки обратно в корзину, закрываю дверь в ванную и иду к комнате отца.

В комнате отца стоит одна двуспальная кровать и шкаф с его вещами. Постельное бельё валяется на полу, рядом с его ботинками, которые все в грязи и дерьме. Сам он лежит в растянутой майке с пятнами крови и расстёгнутых джинсах, на которых в районе паха мокрое пятно. От отца, которого я помню, не осталось ничего. Когда-то Джеймс Смит был звездой медицины. Он работал в престижной больнице хирургом. Он спасал жизни в таких ситуациях, за которые никто не брался. Его уважали и любили. От его внешности многие сходили с ума, а мужчины завидовали ему. Конечно, отец был подтянутым и спортивным, когда-то он без отдышки мог пробежать около 20 километров, а сейчас даже и метра пройти без неё не может. Некогда стильная причёска сменилась на сальные пряди, доходящие до плеч. Волосы цвета вороньего крыла сменились на волосы с проседью. Идеально выбритое лицо стало лицом с бородой до груди. От аромата чистоты и следа не осталось; запах, который его сопровождает, пахнет мочой, рвотой и лекарствами. От прежнего Джеймса Смита осталась лишь биологическая оболочка, гниющая и мёртвая, и то скоро сдохнет.

Закрыв дверь, я спускаюсь по лестнице на первый этаж. Чувствую онемение языка и прилив сил и понимаю, что таблетки начали действовать. Спустившись, направляюсь к кух-

не, открываю ящики и ищу что-нибудь перекусить. Заглядывать в холодильник смысла нет, ведь он сломался и единственное, что в нём находится, — что-то, покрытое плесенью. Ставлю чайник и наливаю себе чаю. В дальнем углу шкафа для посуды нахожу пару конфет. Боже, спасибо, сегодня завтрак удался. С кружкой чая я направляюсь к заднему дворику, где сидят Зои и Мейсон. Они о чём-то болтают, грудь Зои тяжело поднимается, и щёки с шеей начинают краснеть, Мейсон её обнимает и наклоняется, чтобы что-то прошептать ей на ухо. Со стороны неловко наблюдать за ними, но в то же время интересно. Значит, просто друг, да, Зои? От этой мысли я ухмыляюсь — и, видимо, вслух, потому что все действия прекращаются и они отстраняются друг от друга. Я иду к ним с ухмылкой на лице. Интересно-то как!

— Извините, что помешала, я не хотела. — Говорю я с извиняющимся видом.

— Всё в порядке, Лив. — Отвечает мне Зои и похлопывает рядом с собой по лестнице. — Садись, мы как раз говорили о тебе. — Сказав это, Зои отворачивает взгляд от меня к Мейсону.

— А то как же, — говорю я, садясь. — Ведь именно так выглядит диалог мужчины и женщины, когда они говорят о девушке, чья жизнь хуже смерти. — Беру и открываю конфетку и смотрю на птицу, улетающую с нашего двора. Лети, птичка, хоть кому-то повезёт выбраться отсюда.

— Кхм, я, наверное, пойду. — Говорит Мейсон, вставая.

— Вам есть о чём поговорить, а я пока посмотрю новости.
— И уходит в комнату.

Оставшись наедине с Зои, мы сидим в тишине и смотрим, как деревья начинают потихоньку скидывать свою листву, что в свою очередь означает приближение осени. Осень — прекрасное время. Осенью природа погружается в мрак и грязь, она чем-то похожа на мою жизнь. Однако природа сменится и наступит зима, чистая и новая, а моя жизнь останется в осени, в грязи.

— Скоро начало учёбы, — говорит Зои и поворачивается ко мне. — Последний год, да, Лив? Последний год, и всё изменится, ты уедешь отсюда, как и планировала, да? — От её слов пошли мурашки. Она смотрит на меня с надеждой и ждёт ответа, которого я не могу ей дать. Я не уверена, что проживу ещё один год. Я ставлю кружку рядом с собой и поворачиваюсь к Зои. В её глазах я вижу слёзы, слёзы переживания, заботы и надежды, только вот эти слёзы должны быть не у моей тёти, а у моей матери, которая кинула меня, кинула нас на произвол судьбы и умчала куда-то в поисках лучшей жизни.

— Знаешь, Эйвери звони... ла. — Почти шёпотом произносит она. — Она инте...

— Мне не интересно. — Перебиваю её я. — Мне не интересно знать о человеке, который меня оставил и который знает, как я живу и что я прошла. — Вскидываю на ноги, начинаю ходить взад-вперёд.

Разговоры о моей матери вызывают у меня боль, раздражение и злость. Боль испытывает та маленькая девочка, которую бросили и оставили. А раздражение и злость испытывает нынешняя я. Моя мать, Эйвери Смит, — женщина очень красивая. Они чем-то похожи с Зои: обе красивые как модели, у обеих большие глаза и густые чёрные ресницы, длинные волосы и стройная фигура, только вот глаза — если у Зои они цвета свежей травы, то у матери они цвета чистого неба. Эйвери не работала, она была домохозяйкой, которую обеспечивал муж. А та в свою очередь обеспечивала уют и заботу дома. Многие люди завидовали родителям. Крепкий брак, знакомство со школы, и даже беременность мамы в пятнадцать лет не омрачала их союз.

— Она переживает. — Продолжает Зои.

— Переживает?! — Останавливаюсь и начинаю кричать. — Если бы она переживала, забрала бы меня, а не оставила тут гнить заживо и умирать каждую секунду!

— Были обстоятельства...

— Обстоятельства?! — Кричу я, но тут же понижаю голос, чтобы не разбудить чудовище наверху. — Не должно быть никаких обстоятельств для того, чтобы оставить своего ребёнка! — Сказав это, понимаю, что плачу. Вытираю слёзы рукавом от свитера и сажусь рядом с Зои. Беру свою кружку чая и делаю глоток. Жидкость обжигает и согревает. Немного помолчав, поворачиваю голову к Зои и говорю:

— Если приехала поговорить об Эйвери, то можешь уез-

жать, мне нечего сказать тебе больше. — Собираюсь встать, но Зои берёт меня за руку и сажает обратно.

— Нет, прости, я не хотела тебя расстраивать, просто передала, что хотела сказать Эйвери. — Зои открывает небольшую сумку, лежавшую у неё на коленях, и достаёт оттуда телефон и зарядку и передаёт их мне.

— Держи и даже не смей отказываться, детка. Я должна знать, что у тебя всё в порядке, и ты сможешь мне позвонить в любую секунду. Там есть мой номер и номер Мейсона, поэтому звони в любую секунду.

Дальше она достаёт из сумки конверт и его тоже передаёт мне.

— А это деньги на учёбу. Купи себе всё, что нужно к школе, и еды купи, а то совсем худой стала... При порыве ветра улетишь как шарик, и потом ищи тебя. — Говорит Зои и улыбается.

Мы обе встаём и направляемся к выходу, следом за нами идёт Мейсон. Дойдя до их машины, мы останавливаемся, и я поворачиваюсь к Зои лицом.

— Спасибо и прости меня, что накричала на тебя. — Опускаю я лицо к груди.

— Эй, Лив, посмотри на меня. — Она берёт мой подбородок и поднимает его. — Всё в порядке. Я понимаю. Я люблю тебя, и мне очень жаль, что я не могу сделать большего для тебя. — Зои притягивает меня к себе и шепчет на француз-

ском: *Même la nuit la plus sombre prend fin.*¹ И целует меня в макушку. Мейсон обходит машину и машет мне рукой.

— Увидимся, Лив. — И садится на водительское сиденье.

Я уже собираюсь поворачиваться, как окно со стороны Зои открывается, и она говорит:

— Ой, забыла, Лив, возьми. — Она протягивает мне новые наушники для телефона. Машет мне на прощанье и уезжает. Я потихоньку поднимаюсь к себе в комнату, открываю замок и забираю его внутрь, закрываю за собой дверь и проверяю замки. Руки начинает трясти, и внутри я чувствую пустоту. Возвращаться за чаем смысла нет, ведь он уже остыл, как труп на заднем дворе нашего дома. Устраиваюсь удобно на кровати, втыкаю наушники сначала в телефон, потом в уши, включаю музыку — и впервые я чувствую себя собой, свободной и легко дышащей. Хотя это и иллюзия.

¹ фр.: даже самая темная ночь заканчивается.

Глава 3

Тишина. Телефон рядом со мной разрядился и выключился. Это была одна из немногих ночей, когда я спала крепко. Для большинства людей крепкий сон дома — это обыденность, но не для меня. Для меня это непозволительная роскошь.

Встаю аккуратно, ставлю телефон на зарядку. Открываю свой комод, достаю полотенце и сменную одежду. Сегодня я могу принять душ без проблем. Подхожу к двери и слушаю. Тщательнее. Тишина. Редкое явление. Обычно с утра до ночи тут сидит отец со своими друзьями. Они обдолбываются всякой дрянью, пьют и смотрят матчи по кабельному, которое оплачиваю я, как и в принципе все платежи по дому — для того чтобы у нас не забрали и этот дом. Ведь если я пропущу платёж или не куплю пива, то поплачусь разбитым лицом. Как минимум. И если отец дома, мне приходится залезать в свой дом как вор — через окно своей спальни на втором этаже.

Это я усвоила после того, как зашла через парадный вход. Это был последний учебный день, после которого я пошла на смену в «Территорию». Отпахав смену, я всё ещё чувствовала в себе силы. Сегодня закончилась школа, впереди три месяца отдыха. На автобусе от «Территории» до дома тридцать минут езды, но я решила пробежать, чтобы освободить го-

лову. Я бежала и чувствовала свободу. Ничего не существовало сейчас, кроме меня и дороги. Бег всегда помогал мне, это было моё, моё, что никому не забрать, если только не сломать мне обе ноги.

Добежав, остановилась перевести дыхание и зашла в дом. Там уже было тихо, слышно лишь храп мужиков, которые валялись по всему дому. Кто-то лежал в луже мочи, кто-то — в рвоте и крови. Запах стоял отвратный: пот вперемешку с мочой, рвотой и той дрянью, которой они обдолбались. Тихо, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, я открыла окно, надеясь, что свежий воздух развеет тяжёлый аромат, повисший в доме, и начала подниматься на второй этаж.

Как только я начала открывать дверь своей спальни, мне на талию легла тяжёлая и довольно знакомая рука. В ноздри ворвался аромат свежей зелени и пива. Это был один из друзей отца: Глейд Мэддисон. Звучит как освежитель воздуха², но он не оправдывает своё имя. Наоборот, в его присутствии остаётся лишь неприятное ощущение. Своим гнилым ртом он приближается к моему уху и шепчет как змея:

— Привет, детка. Я ждал тебя, а тебя всё не было и не было. — Говоря это, он прижимается ко мне всем своим телом, и я чувствую его выпуклость в штанах. От этого хочется блевать, но я держусь. Ноги становятся ватными, руки начинают трястись, и по всему телу пробегает дрожь от его противного

² имеется виду, что Glade (в русском произношении - "Глейд")- это американский бренд бытовых освежителей воздуха

шёпота. Сжимаю крепко ручку на двери, чтобы хоть как-то держать себя в руках.

— От тебя вкусно пахнет, — говорит Глейд и начинает целовать шею. — Я так долго ждал тебя, детка. — Он разворачивает меня к себе лицом и приближается ко мне своими губами. Я пытаюсь сопротивляться, дёргаюсь, пытаюсь вырваться, но это бесполезно: он не настолько пьян и не настолько хлипкий. Ростом 190 сантиметров и весом около 100 килограммов. Его светлые волосы доходят до кончиков ушей, нос приплюснут и тонкие губы, на которых играет мерзкая улыбка с его гнилыми зубами, глаза почернели от выпитого пива и возбуждения. Его рука поднимается к моему рту и закрывает его, второй рукой он открывает дверь, и из-за того, что он пьян, но не сильно, он теряет равновесие и падает вместе со мной на пол. В момент приземления из меня выходит весь воздух, и я на секунду, а может и больше, теряю сознание от боли. Когда я открываю глаза, на мне нет джинсов и кофты, я лежу только в нижнем белье, а Глейд пристроился ко мне для начала секса. У меня никогда не было секса, по мнению большинства быть девственницей в семнадцать — это смерти подобно. Поэтому я знаю всё из порно, я не монашка, я могу сама себя довести до оргазма, но никто не должен делать это насильно. Поэтому, пользуясь моментом, я ударяю ногой по руке Глейда, на которую он опирается, вскакиваю на ноги, перепрыгиваю его и бегу в отцовскую спальню, чтобы обхитрить его. В крови бурлит

адреналин, и мозг работает на пределе.

— Твою мать, — слышу я и забегаю в комнату отца и встаю с другой стороны кровати, у стены. Следом за мной вбегает Глейд, из его носа течёт кровь, и он сплёвывает несколько зубов на пол вместе с кровью.

— Ты! Сука! Смотри, что ты сделала! — Из-за потери зубов, по всей видимости передних, он начал шепелявить и стал похож на Баттхеда³ из мультфильма.

— Да что ты говоришь, — передразниваю его я и начинаю смеяться. Ему это не нравится, и он кидается на меня через кровать, в то время как я её оббегаю и бегу в свою комнату, запираю дверь на все замки, беру одежду, телефон и деньги с заначки, открываю окно и спускаюсь вместе с вещами на задний двор. Времени переодеться нет, поэтому бегу в безопасное место, в свой шалаш, который я построила недалеко в лесу. Прибежав, я одеваюсь и укутываюсь в плед, который принесла из дома, и слушаю. В тот день я не уснула. Но это было в июне, а сейчас почти конец августа.

Тихо открываю дверь и высовываю голову в коридор. На цыпочках иду сначала в спальню отца — проверяю: пусто. Спускаюсь на первый этаж: тоже пусто, входная дверь закрыта. Значит, сегодня его не будет. Поднимаюсь, закрываю свою комнату и захожу в ванную. Включаю душ и захожу под

³ Баттхед (англ. Butt-Head — буквально «задоголовый») — один из двух главных героев американского мультсериала «Бивис и Баттхед», созданного Майком Джаджем.

струи горячей воды и тут же расслабляюсь. Вода обжигает и согревает тело, но не душу. Беру губку и начинаю тереть себя, смывая все следы и грязь. Тру до тех пор, пока кожа не станет красной, как у рака, и стою ещё под горячей водой. Когда голова начинает кружиться, а кровь закипать от жары, я выхожу, вытираюсь, одеваюсь и снова прислушиваюсь. Убедившись, что дома всё ещё тихо, я выхожу.

Сажусь на кровать и расчёсываю волосы. Да, это было хорошим решением — отстричь их. В больнице за ними не особо ухаживали, и после моего выхода из комы волосы превратились в гнездо птицы. Именно там я и приняла решение их состричь. Когда ко мне подошла медсестра Дженни, я попросила у неё ножницы, чтобы состричь это дерьмо с меня. Она согласилась, но только после уговоров; даже сама подстригла меня. Получилось довольно неплохо, лучше, чем если бы это сделала я.

Сегодня очередная смена в «Территории». Надеваю джинсы и простую чёрную футболку. Толстовку кидаю в рюкзак, туда же кладу запасную одежду и деньги. Включаю музыку в наушниках и прячу телефон в задний карман джинсов. Закрываю за собой дверь, забегаю в ванную за таблетками и выхожу из дома. До автобусной остановки идти минуты две, добираюсь быстро, и как раз подходит мой автобус. Сажусь и еду в единственное место, где обо мне заботятся... ну или делают вид.

Дверь за мной закрывается лёгким щелчком, и я иду на

работу в ресторанчик итальянской кухни в центре города, которым владеет мистер Марио Браун. Золотые буквы «Территория 1986», написанные витиеватым шрифтом ещё в середине восьмидесятых, местами облупились, обнажив тёмное дерево. Дверь, тяжёлая и дубовая, закрывается с мягким, глухим щелчком, отрезая шум улицы и погружая в совершенно другой мир. Внутри пахнет так, как должно пахнуть в месте, где живёт настоящая итальянская кухня: базиликом, чесноком, обжаренным в оливковом масле, кисловатым духом сухого красного вина, которое добавляют в соус для оссобуко, и чем-то неуловимо сладким — то ли корицей от яблочного штруделя, то ли просто старой древесиной. Пространство небольшое, всего на десять столиков. Никакого дизайнерского лофта. Стены тёплого терракотового цвета хранят на себе следы времени: в углу у барной стойки чуть темнее — там тридцать девять лет назад стояла дровяная печь, пока её не заменили на более современную, но огонь в ней разводят всё так же, по-старинке. На стенах — черно-белые фотографии: Марио, молодой и черноволосый, открывает ресторан; Марио с красавицей-женой, которой уже пятнадцать лет нет на свете; Марио держит на руках крошечного мальчика — своего сына, который сейчас живёт в Бостоне и работает адвокатом. Мебель — массивный дуб, столешницы отполированы тысячами локтей. Пол из старой плитки, местами потрескавшейся, но идеально чистой. На каждом столе — не бумажные скатерти, а плотный лен, на котором, ес-

ли присмотреться, можно разглядеть едва заметные пятна от вина, оставшиеся от чьего-то праздника в девяностых. Приборы тяжёлые, серебро уже давно стёрлось до основания, но Марио наотрез отказывается их менять. Сам Марио — невысокий, коренастый мужчина с круглым лицом и сеткой морщин вокруг глаз, которые становятся ещё глубже, когда он смеётся. Его белая рубашка с закатанными по локоть рукавами и некогда чёрный, а теперь выцветший до графитового фартук — его вторая кожа. Он почти не готовит у плиты, для этого есть молодой помощник Антонио, но ни одно блюдо не покинет кухню без его одобрения. Марио — душа этого места. За 39 лет ресторанчик стал чем-то большим, чем просто местом, где едят. Для района это тихая гавань. Сюда приходят не за гастрономическими потрясениями, а за ощущением дома. Молодые пары, которые сидели за дальним столиком на первом свидании, теперь приводят сюда своих детей-подростков.

Закрывая за собой дверь, я принимаюсь. Постепенно здешние запахи вытесняют запах хлорки. Тело расслабляется, пульс приходит в норму, и я чувствую покой.

— *Ciao, bella*⁴, — открываю глаза и вижу Антонио, который готовит ингредиенты для сегодняшних блюд. Антонио двадцать шесть, кожа смуглая, с вечно растрепанным вороньим гнездом на голове, глаза у него цвета гречишного мёда — тёмные, прозрачные, с насмешливой искрой. Когда он

⁴ Ит.:

улыбается, на левой щеке появляется ямочка, а в уголках глаз собираются морщинки, будто он смотрел на солнце всю свою жизнь. На нём была мятая темно-синяя рубашка, и от него пахло крепким кофе и морем. Да он мне нравится, так выглядит мой идеал мужчин. Я много раз пыталась с ним заигрывать, но он только улыбался и трепал мои волосы своей огромной рукой и уходил. А я стояла и превращалась в помидор.

Ehi, bello, ma che profumo che c'è oggi in cucina! Antonio, non hai ancora incendiato niente? Sono già le nove, ma dai⁵..., прикладываю к груди руки и делаю удивлённое лицо.

Антонио отвлекается от разделки мяса и поднимает на меня взгляд. — Ого, твой итальянский становится всё более прекрасен, bella. Его лицо озаряет улыбка, от которой появляется ямочка, которую я люблю.

Attenta, bella. Se non smetti di guardarmi così, ti rapisco e ti porto nella mia caverna.⁶

Антонио что-то говорит, но я его не слышу, и он это замечает. Усмехается и возвращается обратно к своим делам.

— Вот черт! — звучит у меня в голове, и я опять краснею как помидор. Ну серьёзно? Сколько можно, Оливия? Хватит вести себя как тупой подросток. Опускаю голову и иду пере-

⁵ Ит.: «Эй, красавчик, ну и аромат сегодня на кухне! Антонио, ты ещё ничего не поджёл? (или: ты ещё ничего не зажёл?) Уже девять часов, ну давай же!»

⁶ Ит.: «Осторожнее, красавица. Если не перестанешь так на меня смотреть, я тебя похищу и унесу в свою пещеру».

одеваться в форму. На самом деле из формы только красный фартук с вышивкой названия ресторана.

Как только выхожу, вижу, что Марио даёт подзатыльник Антонио и говорит:

— Хватит морочить голову, девчонке, у неё и так проблем хватает! Если хочешь забрать её, то забирай. А если нет, то оставь в покое. — говорит он строго, но тихо. И я прекрасно это слышу. И внутренне улыбаюсь. Нет, все-таки заботятся! Звучит мой голос внутри меня, и я иду работать.

Глава 4

В течении недели каждый день проходит как день сурка. Я встаю, прислушиваюсь, иду в душ, выхожу и все тихо. Странно раньше отец пропадал, но не на неделю. А тут вообще нет никаких знаков появления его или дружков. Сегодня не исключение из недели. Все тихо и это пугает. Остается всего неделя до начала моего последнего года в школе. Я не скучаю по школе. Только по тренировкам. Несмотря на свою социальную нишу, я одна из лучших бегуньей в школе и многим это не нравится. Они не понимают как такая как я может быть на родном уровне с ними, с элитой СШН (Старшая школа округа Напа). Как только я сюда перешла, мне в лицо говорят про моего отца, и что я такая же как и он. Они называют меня анаркаманкой (анарексичку с наркоманией) или нищенка. Но мне плавать, я давно перестала реагировать на них. А учителя такие же взрослые, которые закрывают глаза на поведение богатеньких детишек, ведь если обидеть кого-то из них они не получают денег. Поэтому все крутится вокруг этих багатеньких уродов.

Сегодня я надеваю чёрные джинсы в обтяжку и белую рубашку. Как только я захожу в «территорию», приветственно киваю Антонио и вижу Марио, который сидит за столом, уткнувшись в бумаги. Его взгляд поднимается ко мне, и я слышу:

— Лив, дитя, подойди ко мне.

Я смотрю вопросительно на Антонио; он пожимает плечами и возвращается обратно к еде. Сердце моё стучит в бешеном ритме, ноги становятся ватными, и на лбу появляется испарина.

— Садись, девочка. Смотрю, эта неделя прошла у тебя спокойно. Джеймс тебя не трогал? Ты бы не сказала об этом верно? Марио смотрит на меня вопросительно, подняв бровь.

— Да, Марио, конечно! (Конечно нет, никому бы я не сказала об этом. Это моё бремя, и даже если меня в итоге убьют, это будет свободой и облегчением.)

— Вот и славно! На следующей неделе мне придётся закрыть ресторанчик на две недели. У Энцо родилась дочь! Франческа! Finalmente! Поэтому я лечу к ним в Бостон и даю вам с Антонио мини-отпуск, тем более у тебя через неделю начинается учёба, и мне надо найти тебе замену на дневные смены. Рассказывая о внучке, Марио улыбается, и в его глазах светится любовь. Я рада за него, безусловно, но моя эгоистичная натура протестует. Оставаться целыми днями дома, с отцом, — не очень хорошая перспектива, но что поделать. Это жизнь, она движется вперёд и дарит людям смысл. Но только не моей. Моя жизнь ушла в деградацию и в отсталую ветвь развития, которую скоро прикончит метеорит.

Вся смена проходит медленно; минуты тянутся будто специально растягивая время здесь, вдали от дома. В конце сме-

ны я, как всегда, помогаю Марии помыть посуду и убраться в зале.

— Возьми остатки еды, дитя. И вот твоя зарплата за месяц, ты отлично поработала. И удачи в школе. Как приеду, всё мне расскажешь. Договорились? Марио тянет меня к себе и обнимает как родную дочь, перед командировкой. Мягко, еле коснувшись лба, он целует меня.

— Да, береги себя. Я отстраняюсь от Марио и иду переодеваться. Еду и деньги кладу в рюкзак и выхожу.

— Стой, bella! Я тут подумал, может тебя домой отвезти? — спрашивает меня Антонио и рукой зарывается в свои волосы.

Боже! Как бы я хотела это сделать, зарыться в его волосы своими руками, притянуть его к себе и поцеловать эти губы, чтобы он обнимал меня этими руками и не отпускал, а потом...

— Земля вызывает! Я быстро моргаю и прихожу в себя, черт! Чувствую, что щеки начинают гореть, и мне становится слишком жарко.

— Нет, нет, спасибо, но я сегодня пешком. Надо голову остудить, а то мысли в голову лезут всякие.

Антонио наклоняется к моему правому уху; у меня тут же проходит дрожь по всему телу.

— Кажется, я тебя предупреждал? Bella! Если будешь так на меня смотреть, я не смогу себя сдержатъ, и в следующий раз я не буду спрашивать. Я возьму...

Он прикусывает мочку моего уха, из меня вырывается непроизвольный стон, и я закусываю губу. Дальше он целует в щеку, разворачивается на каблуках своих туфель и заходит обратно в ресторан. А я так и стою стоять вся красная и мокрая. Кажется, сегодня мне понадобится не только бег...

Я бежала домой, окрылённая, а в ушах гремела любимая группа. И как же мне везло: дом снова был пуст. Я толкнула дверь, прислушалась — и снова эта благословенная тишина. Красота.

Включив телевизор просто ради фонового шума, я поднялась вверх, открыла свою комнату и закрыла дверь: ничего не должно было меня тревожить и отвлекать сейчас.

Раздевшись до нижнего белья, я нырнула под одеяло и закрыла глаза. И тут же возник он — Антонио. Мне казалось, что его руки сейчас обнимают меня. Я потянула волосы назад, второй рукой легонько коснулась шеи, и по коже пробежал жар. Дальше пальцы скользнули к груди. Я слегка прищипнула соски — и с губ вырвался стон. Руки медленно скользили по рёбрам, по животу, всё ниже... Одна рука потянула за сосок, вторая нашла чувствительное место. Пальцы слегка сжали клитор — и по телу прошла дрожь. Я видела его глаза, слышала его шёпот и кончила громко. Да уж, такого давно не было.

Но стоило подумать: если даже от одного его образа меня бросает в дрожь, что же будет, когда он окажется внутри меня, — и от этой мысли я снова стала мокрой, а тело вспых-

нуло огнём. Ещё один оргазм накрыл меня, и теперь ноги потряхивало, а сердце стучало в ушах.

Когда дрожь наконец улеглась, я прислушалась к себе и поняла: сегодня был прекрасный день, такой, что опять захотелось жить, а не выживать.

Я встала, пошла в душ, позволила тёплой воде смыть всё лишнее, а потом снова забралась под одеяло. И с этой мыслью меня унесло в мир грёз, где не было боли, а были только мы...

Глава 5

Следующая неделя прошла без отца. Странно: его уже не было две недели. Не скажу, что я расстроилась — совсем нет. Я даже на мгновение стала считать это место своим домом. Круги под глазами почти исчезли, появился лёгкий румянец. Последнюю неделю лета я позволила себе немного позагорать на солнце — теперь я хотя бы не выглядела как труп.

Крашу ресницы тушью, подвожу карандашом брови, мажу губы блеском. Идеально. Надеваю форму. Она у нас фиолетово-чёрная, с эмблемой сокола слева; золотым шрифтом вышито название: «Старшая школа округа Напа». Да уж. Школа из всех сил пытается казаться элитной, хотя такой не является. Но ничего — это последний год.

«Последний год», — повторяю про себя, словно молитву. По привычке проверяю в кармане деньги и таблетки: сегодня лучше быть готовой ко всему. Выхожу, сажусь в автобус — ехать примерно тридцать минут. Включаю музыку и еду в школу. «Последний год» становится моей мантрой. Да хоть и так — плевать. Плевать я хотела на всех и на всё. Пусть хоть захлебнутся в своей желчи и сожрут её вместе с моим дерьмом.

Выйдя из автобуса, я сразу вижу её. Эбигейл Торн — королева СШН и принцесса одного из самых крупных виноградников. Крашенная блондинка ростом сто семьдесят сан-

тиметров, с глазами цвета собачьего дерьма и красными губами. Губы давно потеряли форму из-за ботокса, и, клянусь богом, они стали ещё больше с лета.

Она со своей шайкой стоит возле розового «Ауди». А рядом с ней — её парень и король СШН, Лео Вэнс. Говорят, его семья входит в мафию, а тут они прячутся. Но мне плевать. Для меня он кусок человека — что-то среднее между куском говна и недочеловеком.

Он ополчился на меня сразу после того, как я отказала ему. С того дня меня постоянно кусают его «собаки» — в переносном смысле, конечно. Он красив, статен, высокий, капитан футбольной команды, атлетично сложен. Чёрные волосы и такие же глаза, прямой нос. Наши тренировки совпадают с их, и пока мы тренируемся, все пускают по нему слюни — особенно если он снимает майку. Его хотят все, и он это прекрасно знает. Так же это знает и Эбигейл. Она, как по канону, капитан чирлидеров, и они всегда вместе. Порой мне кажется, что даже в туалет они ходят вместе. Повторюсь: его хотят все, но не я. И он бесится из-за этого.

Я прохожу мимо них, слегка понизив уровень музыки.

— Эй, нищенка! — слышу я и тут же чувствую удар по голове: они кинули в меня бутылку с водой. — На, попей! — и начинают смеяться, как гиены.

«Последний год», — снова повторяю я про себя.

— Эбигейл, кажется, ты перестаралась и перекачала себя сиськи — они теперь с твою голову, в которой совсем мозгов

мало, — выдаю я и кидаю им обратно их бутылку. Она приземляется прямо к ногам Лео.

Захожу в школу и оставляю их со своим дерьмом. Мне и своего хватает.

В коридорах начинают шептаться: все видели, как их короля и королеву осадили. Я кожей чувствую, что на сегодня их выходки не закончились. Многим не нравится поведение нашей «элиты», но они все засунули язык в зубы и вылизывают задницы Лео и Эбигейл. А когда кто-то кидает им вызов, начинают шептаться, как змеи. Но и их можно понять: им есть что терять — в отличие от меня.

Уроки проходят тихо, и это странно. Учителя напоминают про экзамены и важность последнего года обучения в школе. «Впереди нас ждёт светлое будущее» и всё такое... бла,бла,бла. На обед я не иду, а сразу сажусь в классе на своё место у окна и смотрю наружу. Ничего нового: стоя стоит на парковке, смеётся и что-то обсуждает; где-то под деревом сидит пара и целуется. Жизнь идёт. Так учебный день и проходит — спокойно и тихо.

Наконец наступает время тренировки. Тренер Гибсон — мужчина лет сорока, с уже седыми волосами и неспортивным телом — хлопает в ладони и свистит в свой противный свисток:

— Так, девочки и мальчики! Сегодня наша первая тренировка. Начнём с разминки: пять кругов лёгким бегом. Все вперёд, вперёд!

Я включаю музыку и потихоньку бегу. Краем глаза замечаю движение слева и отхожу подальше — как раз вовремя. На то место, где я стояла, приземляется мяч. Поднимаю глаза и вижу Лео. Он пожимает плечами:

— Ой, прости, я не хотел.

Но мне плевать. Продолжаю тренировку. После лёгкой пробежки мы делаем упражнения на растяжку и разогрев мышц. В целом тренировка идёт тихо и спокойно. Мы бежим последние круги в ускоренном темпе, и вдруг я чувствую удар, а потом уже лежу на дорожке — и на меня льют воду.

— Я же сказал: попей! — раздаётся смех.

Встаю. Чувствую, как кровь течёт из носа и с губы. Но мне плевать. «Последний год»... Да к чёрту!

Подхожу ближе к Лео, ловлю его взгляд — он направлен на мою грудь, которая теперь видна сквозь мокрую майку. Смех резко замолкает.

— Нравится смотреть? — шепчу, останавливаясь в шаге от него. — Потому что больше ничего не будет. Никогда.

Он тянется ко мне, и я бью коленом туда, где ему точно больно.

— Хер тебе, Вэнс, а не я!

Он вскрикивает и падает. В ту же секунду на меня прыгает Эбигейл — как дикая кошка. Ногти царапают щёку, один ломается с противным хрустом. Я закрываю лицо руками, отползаю, чувствую, как по шее течёт что-то тёплое. Она кричит, но голос тонет в шуме дождя, который смывает с меня

всю грязь.

Глаз затягивает синяк, губа и нос опухли и болят. Потихоньку, со стоном, поднимаюсь и иду в душ. Слава богам, никого уже нет. Спокойно моюсь и переодеваюсь. Смотрю в зеркало: правый глаз почти закрыт синяком, нос не сломан, но повреждён. Всё лицо в царапинах, в волосах кое-где выдраны пряди, на ногах — синяки и ссадины от падения. Видимо, сегодня моё везение закончилось. Дома меня ждёт отец.

Принимаю болеутоляющее и жду, пока боль хоть немного отпустит. Через пятнадцать минут я хотя бы могу двигаться. Потихоньку ковыляю до остановки и сажусь в автобус.

И как же я права. На этот раз дом встречает меня не приятной тишиной, а громкой музыкой и кучей пьяных мужиков и женщин. Подниматься на второй этаж сил нет, да и состояние не позволит. Придётся рисковать.

Прохожу мимо тел, валяющихся у нас во дворе; на крыльце я даже слышу женские вздохи и охи — и не одни. От этого становится противно. Вхожу в дом, и на меня обрушивается запах пота, алкоголя и химикатов. Музыка стучит в ушах, везде танцуют мужчины и женщины, которые должны быть рядом со своими детьми и семьёй, а не тут. Стараюсь незаметно проскользнуть мимо тел. Пару раз меня хватают за рукав кофты, но так же быстро отпускают. Еле сдерживаюсь, чтобы не начать блевать.

Оглядевшись, нигде не вижу отца и решаю подниматься к

себе — сегодня мне не до разборок. Как только поднимаюсь на второй этаж, вижу, что дверь в мою комнату открыта. Дыхание сбивается, и я себя уже не контролирую. Внутри стоит отец и раскидывает мои вещи.

— Что, мать твою, ты делаешь в моей комнате?!

Он резко оборачивается. Его красные глаза и расширенные зрачки будто не видят меня — или видят кого-то другого. Его потряхивает мелкой дрожью. Он встаёт и, шатаясь, подходит ко мне: он пьян. Сильно и под дурую. От него тянет потом, алкоголем и чем-то едким, будто горелой пластмассой.

— Где? Где деньги? — Голос ровный, от этого страшнее.

— Ты забрал всё в прошлый раз, — хриплю я, но даже не успеваю договорить.

Он хватает меня за горло. Хватка железная, пальцы впиваются в кожу. Я не могу вдохнуть. В глазах мелькают точки, мир на секунду становится серым.

— Не ври мне, девка! — шипит он. — Я видел тебя у Марио. Он давал тебе денег! Я всё видел!

Он отпускает, и я падаю, хватая ртом воздух, но тут же чувствую удар в бок — он пинает меня носком ботинка. Из меня выходит весь воздух, я сворачиваюсь, пытаюсь прикрыть живот.

— Шлюха! Как ты чуть не трахнулась на улице с этим пацаном! Захотела мужика почувствовать?

Он наклоняется, прижимается лицом к моей шее. От его

дыхания меня ведёт, голова кружится, руки и ноги становятся чужими.

— Ты так похожа на неё, — шепчет он, и в этом шёпоте столько ненависти, что она режет хуже кулака. — Даже пахнешь так же, как эта дрянь!

На последнем слове он кричит и отшатывается, будто сам себя пугается. Я пытаюсь отползти, цепляюсь пальцами за ковёр, но он хватает меня за волосы и рывком поднимает.

— Не смей убегать! Не смей прятаться!

Я чувствую, как рвутся пряди, как по виску течёт что-то тёплое. Он встряхивает меня, и перед глазами всё плывёт.

— Отвечай, где деньги! — Он встряхивает ещё раз, и я ударяюсь затылком о стену. В ушах звенит.

Потом — удар по лицу. Не размашистый, а короткий, точный, как щелчок. Мир на мгновение гаснет, а когда возвращается, я лежу на полу, и он стоит надо мной, тяжело дыша, будто только что пробежал километр.

— Тварь... Ненавижу... — бормочет он, но в голосе уже не ярость, а усталость, смешанная с чем-то, от чего мне становится ещё страшнее.

Я не шевелюсь. Даже не моргаю. Жду следующего удара, но его нет. Он смотрит на меня, будто впервые видит, потом резко разворачивается и выходит, хлопнув дверью так, что со стены падает рамка с фотографией.

Тишина обрушивается на комнату, как бетонная плита. Только тикают часы. Я лежу и слушаю этот звук, потому что

если перестану его слышать — значит, я уже ничего не слышу.

Медленно, по миллиметру, подтягиваю к себе руку и нащупываю в кармане таблетки. Пальцы дрожат, но я сжимаю их крепко, будто это единственное, что держит меня здесь.

А потом приходит сон. Не спокойный, не добрый — он бьёт в виски, как барабанная дробь.

Глава 6

Я бегу. Бегу вперёд, к своей цели. Мои волосы развеваются, так как резинка потерялась уже как пять километров назад. Но мне нравится, мне нравится бегать, так я чувствую себя свободной и живой. В наушниках играет Queen — We Will Rock You. Я чувствую прилив энергии и начинаю ускоряться. Кровь начинает стучать в ушах, пульс ускоряется до такой скорости, будто он тоже хочет финишировать быстрее меня. И вот я вижу свою цель, до которой остаётся 400... 200... 50...

Я резко открываю глаза и вскакиваю на ноги. Сердце бешено стучит, как будто оно хочет выскочить из меня и убежать. Вокруг темно, и я ничего не вижу. Может, мне дали дар слепоты, чтобы я перестала видеть этот мир? Но нет, в этой лотерее я проиграла, опять.

Когда глаза привыкают к темноте и я начинаю ориентироваться в своей комнате, слышу звуки. И не просто звуки — кто-то пытается вломиться ко мне в комнату. Ручка дёргается и дёргается, но взломщик молчит, и это угнетает. И тут я наконец слышу:

— Кажется, пусто, её нет дома, — сказал мужской голос. — Вот и славно, дети не должны присутствовать при таком, — сказал другой голос. Этот голос я узнаю из многих. Это был Билли, Билли Эндрюс. Единственный друг отца, ко-

торый от него не отвернулся и кто пытается хоть как-то меня защитить.

Выйдя из стопора, я открываю замок и выхожу в коридор. Открыв дверь, я вижу молодого парня лет тридцати и сразу его узнаю.

— Ной! — восклицаю я и отшатываюсь назад. — Чёрт, Олли, какого хрена?!

Сказав это, Ной поворачивает голову, видимо, в сторону Билли, и добавляет:

— Это он с тобой сделал?! И почему ты тут? У тебя же сегодня смена.

— Мистер Браун уехал на неделю к сыну в Бостон, у него родилась внучка!

Сказав это, я начинаю улыбаться, вспоминая, как он восхищённо говорил об этом, но тут же прекращаю из-за боли. Вспомнив реальность, я задаю единственный правильный вопрос в этой ситуации:

— А вы что тут забыли вместе с Билли? — говорю я и поворачиваю голову в ту же сторону, что и Ной. — Привет, Билли! — я улыбаюсь и машу ему рукой.

Билли резко поворачивает голову в мою сторону и произносит:

— Чёрт, — и идёт ко мне. — Крошка О, что, мать твою, ты здесь забыла?

— Я уже сказала Ною, и больше повторять не буду, я не попугай.

Лицо Билли меняется с сурового на мягкое, с улыбкой, и он мне говорит:

— Крошка О! Твои зубы стали острее, ты что, поменяла их на клыки?

— Конечно, — начинаю улыбаться сильнее. — В этом доме нет нормальной еды, приходится ловить живность и пить кровь, чтобы хоть как-то выжить тут. А в крови много питательных веществ.

Ной с Билли перестают улыбаться, и их лица начинают передавать ужас. От их выражения лиц я начинаю громко смеяться, и это искренний смех.

— Расслабьтесь. Я шучу. Правда. Мистер Браун меня подкармливает и даёт с собой еду. Так что кровь я не пью.

С их лиц постепенно сходит маска ужаса, и появляется расслабление.

— Не смешно, Крошка О. Ты напугала меня, я уж подумал, что этот кусок дерьма совсем охренел. Иди сюда, обниму.

Билли протягивает ко мне руки, и я падаю в его объятия. Его объятия напоминают дом и уют, которого мне так не хватает.

— Эй, Билли, ты меня раздавишь своими руками, — усмехаюсь я и поднимаю голову. — Мне, конечно, понравилось в больнице, но я туда не хочу больше. Так что вы делаете тут? И как вообще вы сюда попали? Билли смотрит сверху вниз на меня и отвечает:

— Да уж, я порой забываю, что ты хрупкая, вспоминая твой характер. На самом деле я решил дать твоему отцу шанс на спасение. У меня есть хороший знакомый, который согласился помочь твоему отцу и дать ему этот шанс. Ведь каждый заслуживает спасения, даже такое дерьмо, как Джеймс.

Говоря это, его голова поворачивается в сторону отцовской спальни.

— И, отвечая на твой вопрос, у меня есть ключ, я сделал копии, как только вы сюда переехали.

Он делает шаг назад, будто хочет увидеть меня целиком, и вдруг замирает. Наклоняется чуть ближе, осторожно касается пальцем моей скулы.

— У тебя тут... синяк уже темнеет. И губа опухла. Это сегодня?

Я пожимаю плечами, делаю вид, что поправляю рукав.

— Да ладно, упала.

Билли не сводит с меня глаз. Голос становится тише, но от этого только страшнее.

— Оливия. Не надо мне врать. Я вижу, когда ты врешь. Это он? Опять?

— Билли, не надо...

— Надо! — он резко обрывает, потом делает глубокий вдох, будто давит в себе крик. — Прости. Прости, крошка. Я не хочу на тебя орать. Просто скажи мне честно: он сегодня тебя тронул?

Я киваю, едва заметно. И от этого простого движения у

Билли на шее вздуваются вены. Он сжимает кулаки, потом тут же разжимает, будто напоминает себе, что передо мной нельзя быть зверем.

— Знаешь, что я сделаю? Когда мы отсюда уедем, я отвезу тебя к врачу. Даже если ты будешь упираться, я тебя отвезу. Это не «упасть с лестницы», Олли. Это нельзя прятать.

— Мне не нужен врач. Мне нужны просто таблетки и тишина.

— Таблетки — да. Тишина — тоже. Но врач — обязательно. Договорились?

Я не отвечаю, только пожимаю плечами. Билли вздыхает, но не спорит дальше. Вместо этого снова притягивает меня к себе, на секунду крепко прижимает и шепчет:

— Прости, что не забрал тебя раньше.

— Ты не мог. Тут не было доказательств.

— Мог. Должен был. Я ведь знал, как он себя ведёт. Мы с Джеймсом столько лет дружили, я видел, как в нём это гнильё копилось... и всё равно думал, что он не посмеет тронуть свою дочь. Думал, что дружба чего-то стоит.

Он отпускает меня, проводит ладонью по лицу, будто стирает усталость.

— А Ной? Он ведь пытался. Ты знаешь, сколько раз он приходил сюда, просил, чтобы ты хоть что-то подписала? Хоть одно заявление? Он как полицейский ходил по краю, прикрывая тебя, чтобы отец не узнал, что это он сует нос в ваши дела.

Я опускаю глаза.

— Я знаю. Но я не могла. Если бы я подписала хоть строчку, он бы понял, что это Ной. А потом бы сделал так, чтобы Ноя уволили. Или хуже.

— Вот именно. — Билли кивает, и в его голосе звучит горькая гордость. — Он не смог пробить эту стену, потому что ты не хотела подставлять его. А он не смог пробить её, потому что не было твоих слов. Замкнутый круг. Но теперь я не спрашиваю. Теперь я просто делаю.

Ной, который всё это время стоял чуть в стороне, делает шаг вперёд.

— Олли, я правда пытался. Каждый раз, когда видел на тебе новый синяк, я хотел просто выломать эту дверь и забрать тебя. Но без твоего заявления я мог только следить, чтобы он не зашёл слишком далеко. И даже это... даже это было почти невозможно.

Я смотрю на него и вдруг усмехаюсь, но без злости — устало.

— Ну вот, а я думала, ты просто забыл про меня.

— Никогда. — Ной качает головой. — Просто иногда «пытаться» выглядит как «ничего не делать». Прости, что тебе казалось иначе.

Билли хлопает сына по плечу, коротко и твёрдо.

— Он сделал всё, что мог, пока я не решился на большее. А теперь я решил. Так что сейчас наша главная задача — вытащить Джеймса и увезти его туда, где он не сможет тебе

навредить. А ты собирай вещи. И ради всего святого, на этот раз не выходи из комнаты, пока я не скажу.

— Договорились, — тихо говорю я.

— Вот и умница. — Билли снова смотрит на меня, и в его зелёных глазах столько заботы, что мне хочется снова спрятаться в его объятиях. — Ты мне как дочь, Олли. И я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось. Даже если ради этого придётся сломать все правила, которые я когда-либо уважал.

Разворачиваюсь к своей комнате, закрываю дверь. Беру в руки телефон и включаю музыку, нахожу идеальную, как мне кажется, песню — David Bowie — Changes — и собираю свои вещи. В первую очередь кладу свою заначку и деньги, которые мне дала Зои. Собирая все нужные вещи, я осознаю, что таблетки в ванной я не забрала, а без них всё бессмысленно.

Несмотря на предостережения Билли, открываю дверь и слышу крик отца:

— Какого, блядь, хуя ты творишь? Ты вообще кем себя возомнил, чтобы входить в мой дом и увозить меня? Мне не нужна твоя помощь, мне и так прекрасно!

— Джеймс, мать твою, успокойся! Мне надоело наблюдать, во что ты превращаешь свою жизнь. Посмотри на Оливию, тебе её не жаль? Она перенесла смерть своей сестры, перенесла уход матери и ещё тебя, кусок дерьма, терпит! Ты потерял Эмму в аварии, как и я Диану. Но у тебя осталась Оливия!

После этих слов я слышу звуки борьбы. Моё сердце за-

мирает. Мне страшно, у меня учащается пульс, руки начинают дрожать, ноги немеют, и кажется, я теряю сознание... но уже через секунду я вижу в проходе спальни своего отца. Эта жирная масса, так не похожая на человека, которого я любила, смотрит на меня с ненавистью. Его голова поворачивается в мою сторону, и он начинает идти ко мне, параллельно орать:

— Ах, это ты, шлюха, всё подстроила. Я убью тебя.

Он протягивает ко мне свои руки, но в последнюю секунду Ной и Билли отдёргивают его от меня:

— Оливия, — сердито восклицает Билли, — я же, мать твою, сказал, чтобы ты не выходила из своей комнаты. Быстро заходи обратно и жди моего сигнала.

Отойдя от шока, на ватных ногах я спиной захожу в свою комнату, закрываю за собой дверь и падаю на колени. Я не понимаю, за что он меня так ненавидит. Я ему ничего не сделала. Я всего лишь была таким же ребёнком. Но в одну секунду он стал ненавидеть меня, как будто это я стала причиной смерти Эммы, как будто из-за меня ушла мама и как будто я ему подсунула крадёные лекарства в руки.

У меня вырывается смешок, и я за много лет даю волю своим эмоциям. Я просто кричу, мне плевать, что подумают соседи. Мне плевать на всех, сейчас в эту секунду только я имею значение. К моему крику присоединяются слёзы, и у меня начинается настоящая истерика.

Я не знаю, сколько я кричу, я не знаю, сколько я плачу, но

просыпаюсь я уже на своей кровати, на которой сидит Ной. В моей комнате включена лампа, поэтому я могу разглядеть лицо Ноя. Ему двадцать четыре. Он старший сын Билли. Работает полицейским, может, именно благодаря ему отец ещё меня не убил. Сейчас его лицо выражает грусть, его взгляд направлен на стол, где стоит наша с Эммой фотография — последняя фотография, сделанная как раз в день аварии. Мы улыбаемся в камеру, мы счастливы. Эмма праздновала свой день рождения, мы были на берегу океана в нашем пляжном домике, там был огромный костёр, много выпивки, и там был Ной. Он не говорил, что был в неё влюблён, но ему и не надо было говорить об этом, всё было понятно без слов. Он хотел признаться Эмме в чувствах, но его вызвали на работу, и он уехал, так и не сказав главного. Уже позже, на первую годовщину смерти Эммы, мы стояли у её могилы, и он наконец признался в чувствах.

Аккуратно поднявшись на локтях, я стараюсь не тревожить его, но мои действия получаются не такими аккуратными, как мне хотелось бы: мои руки меня не удерживают, и я падаю обратно на кровать.

— Чёрт, — усмехаюсь я, и не узнаю свой голос, видимо, после моего крика он сел и стал хрипловатым. — Ной, если с тобой нельзя ходить в разведку, потому что ты всё расскажешь, то со мной — потому что я поскользнусь на первом попавшемся куске дерьма и выдам всех.

Говорю я и уже сажусь нормально рядом с Ноем. Ной кри-

во усмехается.

— Да уж, с твоим ртом и правда не скажешь, что ты ещё ребёнок. Ты сможешь заткнуть любого взрослого.

Ной отводит от меня взгляд, смотрит обратно на фото и грустно улыбается.

— Знаешь, Лив, я скучаю по ней. Эмма надрала бы мне зад, если бы узнала, что я оставил тебя тут с твоим отцом. Прости, что никак не влияю на ситуацию, в которой ты сейчас, я пытался, правда.

Ной запускает руки в свои волосы, чтобы не показать своё волнение.

— Я хотел помочь, я искал доказательства, просил ваших родственников помочь, но они закрывали передо мной двери, как будто я пришёл раздать им рекламу, а не поговорить о насилии. Даже когда ты попала в больницу, даже тогда они сказали: «Нам плевать, пускай она даже сдохнет». Но так ведь нельзя, Лив.

Ной начинает мотать головой из стороны в сторону, видимо, прогоняя из головы все эти сцены. Я кладу руку ему на плечо и сжимаю: мышцы под рукой напрягаются, но мгновенно расслабляются. Я понимаю его, я тоже пыталась достучаться до взрослых, но это было бесполезно. Я также сидела и трясла головой и не понимала, почему взрослые — такое дерьмо на палочке. Почему голос ребёнка для взрослых ничего не стоит?

— Я знаю, знаю. Не переживай, всё хорошо, — Ной под-

нимает голову, и я дарю самую, на мой взгляд, мягкую улыбку.

Он подскакивает на ноги и одобрительно мне улыбается:

— Готова убраться отсюда? А то если я проведу здесь ещё хоть минуту, мне придётся мыться хлоркой. К тебе это не относится. Ты вкусно пахнешь, хоть я и не нюхал тебя.

Ной потирает шею и начинает краснеть.

— Чёрт! Я хотел сказать, от тебя не пахнет дерьмом... Да блядь... Я... я...

Ной начинает заикаться, а я смеюсь.

— Я поняла, Ной, я не пахну дерьмом, — усмехаясь, встаю на ноги и беру рамку с фото, кладу в сумку. — Я готова.

— Тогда я возьму твою сумку и спущу её, а ты иди следом, ок?

— Да, конечно. Только возьму таблетки и спущусь.

Я, не оглядываясь назад, захожу в ванну, нахожу таблетки, закрываю свою комнату на замок, хоть там и не осталось ничего ценного для меня, проверяю телефон. На месте. И спускаюсь вниз. Ной уже стоит у своей машины. Я беру куртку с вешалки, оглядываю дом: в нём стоит звенящая тишина, предрекающая что-то дерьмовое. Закрыв дверь дома, я сажусь на пассажирское сиденье.

Машина начинает двигаться, оставляя место, где я жила последние два года, но интуиция мне кричит и просит не уезжать, что впереди меня ждёт ещё больше боли и разоча-

рования. Как же я была права.

Глава 7

Поездка в машине прошла тихо и спокойно. Ной включил для фона местное радио. Его взгляд был в основном направлен на дорогу, но время от времени он поворачивался в мою сторону и пытался что-то сказать: открывал рот, тут же закрывал и снова отворачивался к трассе. А я? Я делала вид, что внутри у меня не бушует шторм, который только что разнёс мою жизнь в щепки.

На самом деле, наверное, я должна испытывать тревогу из-за того, что меня забрали, что я оставила Марио и Антонио... Но я надеялась, что они поймут. Виноградники смеялись пустошью.

— Надо заехать на заправку, — тихо сказал Ной, будто боясь меня спугнуть. — Дальше ничего не будет, поедem без передышки.

Часы на панели показывали три часа ночи — значит, в дороге мы уже четыре часа.

— Конечно, как скажешь. Да и я проголодалась. Если я сейчас что-нибудь не перекушу, мой желудок съест меня заживо.

Ной криво усмехнулся и продолжил путь.

Минут через десять мы заехали на небольшую заправку с магазинчиком. Я вышла и немного размялась. Тело начинало ныть: действие обезболивающего подходило к концу.

В магазинчике я устроила свой мини-шоппинг: взяла бутылку воды, пару снеков, какой-то сэндвич и холодный латте. Уже на кассе схватила мятную жвачку.

— С вас восемнадцать долларов.

— Минутку. — Я протянула две десятки. — Скажите, могу я воспользоваться туалетом?

— Да, дверь справа.

— Спасибо.

Я взяла покупки и пошла в туалет. Сделав свои дела, вернулась к машине. Ной стоял у кассы и флиртовал с девушкой: что-то ей говорил, и её лицо становилось красным — точно так же, как я краснела рядом с Антонио. От одной мысли об Антонио становилось больно, и на глаза наворачивались слёзы. Я почти дотянулась до него, но в жизни такие истории редко заканчиваются счастливо: только в фильмах.

Прогнав эти мысли прочь, я села в машину. В первую очередь выпила таблетки, а потом начала есть. Как только лекарство начало действовать, напряжение чуть отпустило, и я наконец смогла выдохнуть.

Спустя минут пятнадцать вернулся Ной. Его волосы были растрёпаны, майка кое-как заправлена в штаны — будто он торопился быстрее одеться. На губах и щеке виднелись следы розовой помады, точно такой же, как у кассирши на заправке. Напряжение, читавшееся в его глазах, исчезло.

— Эй, мачо, — усмехнулась я. — Что-то ты быстро. Я-то думала, у тебя выдержка получше.

— Крошка, О, — с издёвкой протянул Ной, садясь в машину. — Я могу вернуться и повторить ещё раз. Раз уж ты разрешила. Я вообще-то старался побыстрее, чтобы тебе скучно не было, а ты не ценишь. Ты меня расстроила.

Он драматично приложил руку к сердцу и сделал вид, будто ему обидно, но улыбка всё выдала.

— Ной? — позвала я.

— Да, крошка, О? — он повернул голову ко мне.

— Вытри помаду, а то она везде у тебя на лице, и майку достань из штанов.

— Чёрт! — Ной достал салфетки и стал протирать лицо. Я начала смеяться, и Ной тут же подхватил. И так, смеясь, мы выезжали из города, где осталось слишком много боли и слишком много тишины.

Вид за окном не менялся: темнота и пустошь, только дорога упрямо тянулась вперёд.

Когда часы на панели показали пять утра, мы встретили рассвет. Он ударил по горизонту огненно-красным — будто сжигал всё, что тянуло назад.

— Красиво, — тихо сказал Ной, не отрывая взгляда от дороги. — Как будто мир заново зажигают.

Я не ответила. Просто смотрела, как красное переходит в золото, а потом в чистый день. Рассвет не обещал, что впереди будет легко, но он открывал проход к новой жизни.

Ной покосился на меня. Я слабо улыбнулась — не счастливой, а такой, где прячется: «Я здесь. Пока держусь».

Он кивнул, будто этого было достаточно.

Машина катила вперёд, и темнота понемногу отступала, оставляя после себя просто пространство — пустое, моё.

К одиннадцати утра мы подъехали к дому семьи Эндрюс. Дом казался одновременно чем-то забытым, но и совсем новым — будто я просто листаю старые фотографии. Когда-то мы часто бывали тут, до аварии.

Нас встречали высокие железные ворота. Ной высовывал руку в окно и вводил пароль на панели; ворота начали открываться с тяжёлым, привычным лязгом. Вдоль подъездной дорожки тянулись кусты лагерстремии и сальвии — яркие пятна на фоне выцветшей зелени, будто кто-то нарочно оставил здесь немного цвета, чтобы дом не казался покинутым.

Сам дом остался таким же, не тронутый временем: двухэтажный, кремового цвета, с высокими окнами, впускающими свет внутрь. Открытая веранда с качелями — они покачивались от ветра, будто приглашали, как в детстве. А главное — рядом был свой небольшой пляж у океана. Я вдохнула свежий запах моря с нотками соли, и перед глазами сразу пронеслись картинки: мы бежим с Эммой вдоль воды, за нами несутся Ной и Кайл, Диана лежит на пледе и загорает. Интересно, как сейчас выглядит Кайл? Глаза начало щипать, и я выдохнула, стараясь удержать слёзы.

Как только машина заглохла, из дома вышла Кэтрин — мама Ноя, Кайла и Дианы. Ей, как и Билли, было сорок три. Брюнетка с седыми прядями, которые выглядели так, будто

их специально мелировали; ростом около ста шестидесяти сантиметров, с миниатюрным лицом и голубыми глазами. На губах играла мягкая улыбка. Она была в шёлковом халате персикового цвета.

— Слава богу, вы доехали! Я так переживала! — Кэтрин быстрым шагом подошла к нам и заключила меня в объятия. Нос и глаза начало щипать от сдерживаемых всхлипов.

— Боже, какая ты стала красивая, Оливия! Я так скучала! — она начала плакать, и я тоже. — Прости, надо было тебя сразу забрать... — Она отстранилась и взяла моё лицо в ладони, вытирая слёзы большими пальцами, всматриваясь в меня так, будто проверяла, всё ли на месте. — Боже, это Джеймс сделал? Вот старый гандон!

— Кхм, мам. Давай зайдём домой, а то мы устали и есть охота, — перебил её Ной. Он подошёл к маме и поцеловал её в висок. — Папа звонил?

— Да, он только добрался до места. К вечеру будет дома. Так, заходим внутрь. Тут ты в безопасности.

Ной взял мои сумки из машины и пошёл впереди нас с Кэтрин, которая обнимала меня за плечи, боясь отпустить, будто я испарюсь, если она уберёт руки. Его движения были спокойными, но в них чувствовалась выученная точность: рост под 180 см, хорошая форма — не из тренажёрного зала ради красоты, а из привычки быть готовым к рывку. Годы американского футбола и работа полицейского оставили в нём эту собранность: он шёл, сканируя пространство, от-

мечая углы и тени, будто даже здесь, у родного дома, не мог полностью выключить режим «на страже».

У него были волосы песочного цвета, коротко подстриженные — так, что едва угадывался естественный залом, и от этого он выглядел чуть строже, чем был на самом деле. Лицо будто собрано из чётких линий: высокий лоб, прямой нос, скулы, которые становились особенно заметными, когда он хмурился, и этот упрямый, твёрдый подбородок — точно такой, каким он был ещё в старших классах, когда спорил с тренером из-за замены на поле.

Когда он на секунду обернулся, чтобы проверить, идём ли мы, в его ярко-зелёных глазах, так похожих на отцовские, мелькнуло что-то совсем не служебное — просто тревога за меня. И в этот момент он снова становился не полицейским и не атлетом, а тем самым Ноем, который когда-то бегал по этому пляжу и смеялся громче всех.

Машина осталась позади, ворота тихо закрылись, и дом будто выдохнул, принимая нас обратно.

Зайдя внутрь, я ощутила себя не семнадцатилетней Оливией, а той, что осталась позади. Дом пах домом — свежее испечённой выпечкой, а именно синабонами с корицей и мягким сливочным кремом.

Внутри дом был светлым: сразу с входа встречал зал с огромным диваном и телевизором, справа во всю высоту стояло окно с видом на пляж, там же шла лестница на второй этаж к спальным комнатам и игровым. Из зала открывался

вид на кухню, такую огромную, что в ней спокойно поместился бы наш прежний дом. На кухонном столе стояла гора еды — на целую команду футболистов. Даже не верилось, что такое вообще можно съесть.

— Проходи, Оливия, — радостно сказала Кэтрин. — Я специально готовила всё для тебя, как тогда. — В её глазах мелькала грусть, и слёзы появились в уголках. Кэтрин быстро моргнула, прогоняя тоску.

— Спасибо, Кэтрин. Не стоило. Можно было просто налить горячий чай. Этого хватило бы.

— Брось, детка! Мне не спалось, а заняться надо было чем-то. Не переживай: если ты не съешь, то мальчики и крошки не оставят за столом, ещё и добавки попросят, — усмехнулась Кэтрин. — Кстати, о мальчиках. Ной, не мог бы ты разбудить своего брата?

— Конечно, мам, — Ной встал с дивана и поднялся по лестнице, параллельно крича:

— Эй, придурок! Солнце встало, хватит спать!

Шаги становились дальше, но слышно было, как Ной сначала тихо стучит в дверь, а потом сильнее. Сначала стояла тишина, но потом я услышала голос Кайла:

— Хватит стучать, ты сукин сын! — крикнул Кайл, и у меня спёрло дыхание, и прошла дрожь по телу.

— Давай, вставай, Кайл. Мама приготовила завтрак, а я голодный и устал. И если ты не спустишься сейчас, мне придётся выломать дверь.

Дверь открылась и закрылась. Братья сказали ещё пару фраз друг другу, но я их не слышала, только слышала топот по лестнице, а потом увидела его.

Чёрные пижамные штаны чуть спущены, волосы взъерошены, будто он только что тёр их руками. Его синие глаза, цвета океана, встретились с моими — и я тут же опустила взгляд в тарелку, чувствуя, как горят щёки.

— Доброе утро, мам. Так вкусно пахнет! — Кайл легко пробежал по лестнице, обнял маму и чмокнул её в щёку, а потом повернулся ко мне.

— Привет, Оливия. Ты изменилась с нашей последней встречи. И тебе, кажется, жарко? Может, открыть окно? — в его голосе была та самая ухмылка, которую я помнила с детства.

Я подняла взгляд и скрестила руки на груди, стараясь выглядеть увереннее, чем чувствовала себя.

— Я не Оливия. Я Лив. И ты тоже поменялся, Кайл. Ты теперь не такой слюнтяй, каким был раньше.

Он на секунду задержал взгляд, а потом снова усмехнулся.

— Конечно, Оливия. — Он подошёл к окну и распахнул его, а когда возвращался, нарочно чуть замедлил шаг, будто давая время рассмотреть этот самый пресс. Я сделала вид, что разглядываю узор на скатерти.

Пока Кэтрин и Ной раскладывали еду, Кайл тихо подвинул стул и сел рядом.

— Я рад тебя видеть, — сказал он уже без насмешки, про-

сто и спокойно. И в этот момент флирт перестал быть щитом — он будто сказал то, что действительно имел в виду.

— Ну, приятного аппетита, — Кэтрин села за стол и положила себе яйца с беконом.

Завтрак шёл в таком ритме, будто я всегда тут жила. Никаких глупых разговоров. Никто не пялился на мои побои, никто не лез с расспросами — просто ели, будто так и надо.

Я взяла синабон и откусила кусочек.

— О боже, — простонала я и тут же поняла, что зря: шесть пар глаз повернулись в мою сторону. У Кайла взгляд потемнел, стал цвета ночного неба, но мне всё равно. Сейчас были только я и эта булочка. — Кэтрин, это очень вкусно! Ничего вкуснее не ела за долгое время.

Кэтрин потёрла глаза руками и тихо сказала:

— Рада, что тебе понравилось. — И снова опустила взгляд в тарелку.

Я съела ещё две булочки и выпила кружку чая. Чувствовала, что сейчас лопну.

— Спасибо, Кэтрин, но я правда объелась. Если съем ещё хоть кусочек — лопну и забрызгаю всю кухню, а этого я точно не хочу. Можно я посижу на диване?

— Конечно! Или хочешь подняться в свою комнату? Дорога была долгой, Ной уже отнёс твои сумки наверх.

— Нет, Кэтрин, ты доедай, а я посижу тут.

Но она уже встала и шла ко мне.

— Мальчики, уберите со стола, а я провожу Лив в комна-

ту. Чуть посидим, отдохнём.

— Конечно, мам! — хором отозвались парни.

— И, Лив? — сказал Ной с полным ртом, будто между делом.

— Да?

— Добро пожаловать домой, — как ни в чём не бывало добавил он и снова принялся за еду.

Мы поднимались по лестнице, и я ловила себя на том, что считаю шаги, будто если их будет ровно двенадцать, то всё станет чуть проще. Кэтрин шла впереди, и её шаги звучали слишком громко в этой домашней тишине — как будто дом специально делал их заметнее, чтобы я не успела ни о чём подумать.

Она остановилась у поворота и тихо сказала, почти не глядя на двери:

— Самая дальняя — наша с Билли... А напротив — две гостевые, с общим санузлом. Ты помнишь...

Я кивнула, не поднимая глаз. Помню. Помню, как мы с Эммой шептались до полуночи, прятали под кроватью чипсы и хихикали, когда Диана ворчала, что крошки лезут ей в кровать. От этих воспоминаний вдруг стало тесно в груди: будто я одновременно хотела туда вернуться и боялась, что если вернусь, то просто рассыплюсь.

Кэтрин снова пошла вперёд, но теперь медленнее, будто сама не знала, как лучше сказать то, что должна.

— Тут, напротив второй гостевой, — комната Ноя и Кай-

ла. Дальше... — Она запнулась, и в коридоре повисла короткая, тяжёлая пауза. — Дальше была комната Дианы. Мы её переделали. Не могли оставить как было. Слишком тяжело.

У меня внутри всё сжалось. Я не хотела слышать про то, что они выкинули, что сменили, что убрали. Не хотела представлять, как они собирали её вещи, как складывали их в коробки, как перекрашивали стены, чтобы не смотреть каждый день на то, что причиняет боль.

— Но я оставила кое-что, — быстро добавила Кэтрин, будто почувствовала, как мне стало не по себе. — Окно то же самое. И вид на пляж. И угол у окна, где она любила сидеть с книгой... Его мы не трогали. Только стены перекрасили. И мебель другую поставили. Теперь это гостевая.

Она открыла дверь.

Комната и правда была другой. Светлые стены вместо прежних бледно-розовых, новая кровать с простым серым пледом, аккуратный письменный стол там, где раньше валялись стопки журналов. Но окно было тем самым: широкое, с видом на океан, и в него всё так же врвался ветер, будто пытался что-то донести.

Я шагнула внутрь, и воздух здесь оказался чуть другим — пах свежей краской и чем-то очень домашним, будто Кэтрин специально проветривала комнату, а потом поставила рядом чашку с чаем, чтобы прогнать пустоту.

— Я не знала, какой цвет тебе сейчас ближе, — проговорила Кэтрин, теребя край халата. — Если хочешь, мы можем

что-то поменять. Или вообще выбрать другую комнату.

Я покачала головой.

— Нет. Здесь хорошо.

И это было правдой. Здесь не было «как раньше», но здесь было честно: они не пытались притвориться, что ничего не случилось. Они переделали комнату, потому что не могли смотреть на неё и плакать каждый день. Но они не выбросили самое главное — окно, угол, вид. Они оставили место, куда можно прийти и просто посидеть, глядя на океан.

Кэтрин выдохнула, будто только сейчас позволила себе расслабиться.

— Тогда я оставляю тебя. У тебя своя ванная комната, так что сюда никто не войдёт без твоего ведома. Если что, я внизу. Или Ной. Или Кайл... В общем, мы все тут.

Когда дверь тихо закрылась, я подошла к окну. Ветер трепал занавеску, и на секунду мне показалось, что рядом, в этом самом углу, сидит Диана — взъерошенная, с книгой, и говорит: «Ну, чего стоишь? Садись, тут лучший вид». Я улыбнулась сквозь слёзы, села на пол у окна и подтянула колени к груди.

Дом не пытался вернуть прошлое. Он просто тихо шептал: «Ты всё ещё часть этого места».

Глава 8

Не знаю, сколько времени я просидела на полу, пропав в своих воспоминаниях. Когда попыталась пошевелиться, каждый сантиметр тела отозвался болью, и я решила сходить в ванную.

Взяв всё необходимое из сумки, я пошла в свою ванную. «Свою» — это даже звучит как бред, если вспомнить, что сутки назад у меня была совсем другая реальность.

Дверь открылась с тихим скрипом, и передо мной возникла чистая ванная комната. Сама она была светлой, в бежевых тонах. Справа от входа стояла раковина с огромным зеркалом и свежими цветами в вазе; рядом — туалет и ванна. На полочках лежали туалетные принадлежности и чистые полотенца.

Я вдохнула свежий, чистый воздух. Тут не пахло сыростью и хлоркой — здесь пахло розами и океаном. Закрыв за собой дверь, я посмотрела в зеркало.

— Вот чёрт! — вырвалось у меня, и звук собственного голоса прозвучал непривычно громко в этой стерильной тишине.

Да уж, ну и вид... Меня будто убили, закопали и воскресили, а когда откапывали, задели пару раз лопатой. Всё лицо исцарапано, на правой скуле — синяк, на шее — следы от пальцев, а всё тело — в красно-фиолетовых разводах. Долго

же это будет сходить. Включая кран и раздеваюсь, стараясь касаться тела как можно аккуратнее. На чистый пол падают мои грязные вещи. Как хорошо, что их можно постирать... А вот мою грязную душу — нет.

Тихо, почти бесшумно, залезаю в наполняющуюся ванну. — Бля, горячо-то как! — шепчу я и тут же добавляю холодной воды.

Кожу пощипывает, в некоторых местах даже жжёт, но я лежу и всё равно наслаждаюсь этим ощущением. Постепенно тело начинает расслабляться, и вода уже не кажется такой обжигающей. Откидываюсь назад и закрываю глаза.

И тут же мозг услужливо подкидывает картинку из прошлого: Эм и Ди стоят у зеркала — тогда оно было другим, да и вся комната выглядела иначе. Они красятся перед вечеринкой, а я сижу на кровати и смотрю в окно. Там Кайл с другими парнями бесится на пляже. Он такой красивый, когда улыбается, — у него сразу появляются ямочки на щеках... Он мне нравится, хоть я и называю его «слезником». Это чтобы он не догадался: мы ведь друзья.

— Ну и когда же ты скажешь, что тебе нравится Кайл? — выглянув из ванной, спрашивает Эмма, сжимая в руке пloyку.

— Эй, тихо ты! Ты что, глупая? Тут же Ди, она ему всё расскажет! — я хватаю подушку и накрываю ею лицо от стыда.

— Олли, мой брат слишком туп для тебя, если не замечает

твоих чувств. Только слепой этого не видит, — говорит Ди и выходит из ванной за платьем. — Если хочешь, чтобы он начал что-то делать, скажи напрямую. Мальчишки слишком нерешительны. Посмотри на Ноя: он сохнет по Эм, но ничего не предпринимает. Одним словом — мальчишки.

Они обе садятся рядом со мной на кровать, берут меня за мизинцы, соединяют свои пальцы с моими — и получается круг, где я — соединяющее звено.

— Пообещай нам, Оливия, что ты признаешься ему, — произносит Ди, глядя мне прямо в глаза.

— Обещаю. Но я признаюсь тогда, когда Ной признается Эмме, — поворачиваю голову к сестре и слабо улыбаюсь.

— Ах ты, сучка! — Эмма валит меня на кровать и начинает щекотать. К нам тут же присоединяется Диана, и мы смеёмся все втроём, пока смех не становится почти задыхающимся.

А обещание я выполнила... Как и говорила.

Резко открываю глаза и понимаю, что плачу. Сливаю воду. Голова кружится, подкатывает тошнота, но я всё равно встаю и быстро домываюсь. Своё полотенце не беру — его придётся выкинуть. Оно слишком грязное для этого места. Беру с полки новые полотенца: одним оборачиваюсь, вторым закутываю голову. Они мягкие, пахнут кокосом — и этот запах почему-то царапает, будто напоминает о чём-то, чего больше нет.

Открываю дверь, впуская в ванную холодный воздух. За

окном уже закат. Сажусь на кровать и смотрю в окно — точно так же, как в прошлом. И вдруг мир будто на секунду двоится: Кайл снова бесится на пляже с парнями, ему снова четырнадцать, он улыбается, и на щеках появляются ямочки. Его чёрные волосы взъерошены, а вместо плоского живота теперь — идеальный пресс, все шесть (а может, и восемь) кубиков; капельки пота скользят к резинке шорт.

— Так, Лив, успокойся, — шепчу себе сквозь зубы. — Ты ему тогда не нужна была как девушка, а сейчас тем более. Мы всего лишь друзья.

Ага, друзья. Дружбы не бывает между парнем и девушкой. Если раньше я краснела от стыда, то сейчас закипаю от гнева — горячего, колючего, будто оно выжигает изнутри всё это «мы просто друзья».

Скидываю полотенце и начинаю искать одежду. Едва успеваю натянуть нижнее бельё, как дверь резко распахивается.

— Да я тебе говорю, мы порвём их в этом году! — орёт какой-то парень и резко поворачивается ко мне. — Воу, какого хера! — вопит он, будто девчонка в туалете.

— Это я должна спросить тебя, придурок! Выходи из комнаты! — кричу я, голос звенит от злости и стыда.

— Макс, я же сказал не заходить туда! Ты идиот! Выходи оттуда! — ревёт Кайл. Слышу тяжёлые шаги. Он хватает парня за майку, выдёргивает в коридор и заглядывает в комнату.

— Я... Эм... Я говорил... — бормочет он, краснеет и запускает руку в волосы.

— Ты тоже выходи, слюняй! — делаю шаг к двери, и тут замечаю его взгляд — он скользит по моему телу и вдруг темнеет, дыхание становится резким. Хватаюсь за ручку и рывкаю ему прямо в лицо:

— Моё лицо выше, идиот! — и захлопываю дверь перед его носом.

— Кто это? Почему ты меня не знакомил раньше? — доносится из коридора голос Макса.

— Иди, давай. Я же просил не заходить туда! — голос Кайла становится тише, потом оба голоса растворяются где-то в глубине дома.

Быстро натягиваю шорты и майку и сбегая вниз. Ной сидит на диване, уставившись в футбольный матч, будто ничего не произошло. — Что там произошло? Я хотел вмешаться, но Кайл убежал быстрее, — отрываясь от телевизора, говорит Ной.

— Какой-то идиот по имени Макс открыл дверь, когда я переодевалась, — сажусь на диван рядом с Ноем, стараясь, чтобы голос звучал ровно, будто это обычная бытовая неприятность.

— Мне надо постирать вещи. Не напомним, где тут прачечная?

— Вторая дверь налево от кухни, — отвечает Ной и снова утыкается в телевизор.

Я уже поднимаюсь по лестнице, когда слышу:

— Лив?

— Да? — останавливаюсь и поворачиваюсь к Ною.

— Когда папа приедет, спускайся. Нужно будет поговорить о тебе и о том, на каких условиях ты тут будешь жить. Хорошо?

— Да, конечно, — произношу ровным тоном, а внутри всё сжимается в тугой узел паники. Но я не показываю этого. Ни за что.

— Вот и славно! И ещё можешь заглянуть в мою комнату и захватить мои вещи — их тоже нужно постирать.

— Я что, похожа на уборщицу? — скрещиваю руки на груди и вопросительно поднимаю бровь.

— Пожалуйста? — наивно тянет Ной и складывает руки в молитвенном жесте.

— Хорошо, но только сегодня. Это одноразовая акция, — отворачиваюсь и иду к своей новой комнате. По дороге слышу тихое:

— Спасибо!

Сначала беру свои вещи, потом захожу в комнату Ноя. Она большая, в серых тонах. Высокие окна закрыты плотными шторами, которые не впускают свет внутрь. В углу — стол с компьютером, кровать не заправлена. Вообще тут слишком грязно для двадцатичетырехлетнего полицейского — я будто попала в комнату подростка, а не взрослого человека.

— Фу, ну и вонь! — задерживаю дыхание и оглядываюсь

в поисках корзины для белья.

Бинго. Вижу её в углу. Перекидываю вещи Ноя в свою корзину и выхожу из комнаты — и тут же натыкаюсь на что-то твёрдое. Чуть не падаю назад, но меня успевают поймать чьи-то руки.

Поднимаю взгляд и тону в омуте синих глаз. Его пальцы обжигают даже сквозь майку. С волос стекают капли воды, одна скатывается по шее и падает на обнажённую грудь. «Он из душа», — мелькает в голове.

— Спасибо, — говорю невнятно. — Можешь опустить меня.

Он неохотно разжимает руки, но взгляд по-прежнему прикован ко мне. На нём нет штанов — только полотенце, небрежно обёрнутое вокруг бёдер. Боже, пытаюсь не замечать этого, как в детстве.

— Прости за Макса. Я правда говорил ему не заходить в эту комнату, но он баран и редко делает то, что просят.

— Всё нормально! Подумаешь, меня видели в нижнем белье двое парней — пустяки.

— Ой, да что мы там не видели, — он скрещивает руки, и я невольно замечаю, как напрягаются мышцы на его руках и груди.

— В том-то и дело, что ты ничего не видел. У меня уж точно! — обхожу его, но он вдруг хватает меня за запястье. Наклоняется и шепчет прямо на ухо:

— Нет, Лив. Я видел. Или ты забыла? Тогда, в тринадцать

лет?

Он отстраняется и смотрит прямо в глаза.

— Вот же сукин сын! Не видел ты там ничего! Если только в твоих мечтах! — я вырываю руку и, не оглядываясь, начинаю спускаться по лестнице.

Слышу за спиной мягкий, тягучий смех, от которого по коже пробегает дрожь. А потом доносится:

— В мечтах я не только вижу... Спустившись с вещами в прачечную, я начинаю раскладывать их по кучкам: цветное, чёрное, светлое. Потом принимаюсь изучать баночки с гелями, порошками и всем, что тут понаставлено. Их столько, будто я в отдел бытовой химии попала. Совсем не похоже на нашу старую прачечную, где стоял один дешёвый порошок, который ничего толком не отстирывал.

Заканчиваю дела и выхожу. Как раз на кухне Кэтрин начинает готовить ужин.

— Давайте помогу, я умею готовить, правда, — подхожу к ней и заглядываю через плечо.

— Оливия, детка, я думала, ты в своей комнате, не хотела тебя тревожить. Ой, от помощи я бы не отказалась. Можешь почистить овощи, а я пока займусь мясом. Готовить ужин на четверых парней — это сущий ад.

Кэтрин отходит от раковины, уступая мне место, а сама идёт к плите, где уже шкворчит мясо.

— Лив, мне нравится Лив и постойте, на четверых? — переспрашиваю я.

— Да. Билли, Ной, Кайл и Макс — друг Кайла. Он часто остаётся у нас. Его родители вечно в разъездах, а одному ему оставаться некомфортно.

— А, ну понятно, — киваю я. Больше мы не говорим ни слова, но эта тишина не давит, а наоборот, успокаивает.

Спустя два часа ужин готов. Кэтрин не шутила насчёт «кучи еды»: тарелок на столе столько, будто мы ждём футбольную команду. Мы начинаем накрывать, и тут входная дверь открывается. В дом заходит Билли.

— Милая, я дома! — кричит он из коридора и проходит на кухню.

Он подошёл к Кэтрин, обнял её и поцеловал в висок. В его глазах я увидела любовь и нежность — спокойные, привычные, будто это самое естественное движение на свете. Потом он отпустил жену, повернулся ко мне и положил ладонь мне на плечо — не сильно, но так, что сразу стало ясно: я тут не чужая.

— Крошка О, выглядишь хорошо. Уже понемногу осваиваешься? — спросил он мягко, с такой интонацией, будто искренне хотел услышать правду, но был готов принять любой ответ.

— Да, вполне. И кажется... — я понизила голос, будто делилась секретом, — в комнате Ноя что-то сдохло. Тебе стоит проверить наличие трупов у своего сына.

На секунду лицо Билли стало серьёзным, а потом он рассмеялся — негромко, по-домашнему. И я сама невольно

улыбнулась в ответ.

— Крошка О, ну и шуточки у тебя! Придётся привыкать.
— Он развернулся и сел за стол. — Ты не шутила насчёт комнаты, кстати. Я туда и не захожу.

— Ты прав, именно поэтому я и не захожу туда, — усмехнулась Кэтрин. — Лив, можешь позвать мальчиков на ужин? Они опять играют в свои игрушки и ничего вокруг не слышат.

— Конечно, Кэтрин, — сказала я и поднялась по лестнице. Постучала в дверь комнаты Кайла — никто не ответил. Постучала сильнее — снова тишина. Тогда я открыла дверь.

Внутри Макс нависал над консолью с возмущённым лицом.

— Чувак, ты читер! Это нечестно. Что это за комбинация такая? — рявкнул он.

— Ты просто играть не умеешь. И ты мне должен двадцатку, — спокойно ответил Кайл, не отрываясь от экрана.

— Ну ты и гавнюк, — буркнул Макс.

Они оба не замечали ни открытой двери, ни меня — пока я не рявкнула:

— Эй, придурки! Ужин готов. Кэтрин вас зовёт.

Две пары глаз резко повернулись ко мне.

— Вообще-то стучаться надо. Вдруг мы тут голые, а ты врываешься, — фыркнул Кайл и положил джойстик на тумбочку.

— Я стучала, но вы, придурки, не слышали. А оставлять

без ужина никого не хотелось — я пожалела Кэтрин, она столько готовила.

Макс тоже положил джойстик, подошёл ко мне и протянул руку с преувеличенной галантностью:

— Привет, я Эдвард Каллен, а ты, должно быть, Белла?

Я закатила глаза.

— Ты что, придурок?

— Что? Я думал, девчонки любят «Сумерки», — пожал плечами Макс, как ни в чём не бывало, и повернулся к Кайлу.

— Ты и правда придурок, Макс, — хмыкнул Кайл.

И они пошли следом за мной вниз, на кухню.